

УДК 808

DOI: 10.17223/19986645/56/2

С.А. Громыко

**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ» В РУССКОЙ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ РИТОРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ДИСКУССИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)¹**

На материале стенограмм заседаний Государственной думы Российской империи выделены пять основных моделей национального аргумента: довод к нации-жертве, к национальной слабости, «к русскому сердцу», к истории, к авторитету. Выявлен персуазивный потенциал национального аргумента в русской парламентской риторике, оценена его сущность с точки зрения объекта убеждения. Объясняются причины широкого распространения национального аргумента в русской парламентской речи. Анализируется связь между использованием данного аргумента в речи оратора и реакцией на него аудитории.

Ключевые слова: *риторика, парламентская речь, национализм, аргументация, прагматика, аргументы ad hominem, персуазивность.*

Введение

Русская парламентская речь отличается высокой степенью агональности и, как следствие, эмоциональностью, выразительностью, особой системой аргументации ([1, 2] и т.д.). Отчасти это связано с историей русского парламентаризма: в общей сложности российский парламент просуществовал 37 лет с большим перерывом на советский период. За такое короткое по меркам политической риторики время крайне сложно сформировать эффективные механизмы сдерживания агональности, какие существуют, например, в парламенте Англии. Известно, что учреждение Государственной думы в 1906 г. вызвало настоящую революцию в русском политическом дискурсе, ряд ученых связывают с I Государственной думой возникновение [3] или интенсивное развитие [1, 4, 5] в России устной публичной политической речи. До 1906 г. в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Можно сказать, что I Дума стала своеобразным коммуникативным феноменом: публичное слово с трибуны политического института было предоставлено не только профессиональным государственным деятелям, но и крестьянам, священникам, рабочим, интеллигенции.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

При этом формат именно дискуссии, а не монологических выступлений вызвал у переводумцев наибольшие затруднения: большинство депутатов не понимало важности парламентского регламента, официального, уважительного отношения к оппоненту, т. е. всего того, что входит в понятие институциональности общения. Следствием этого стали быстрое скатывание еще не сложившейся думской дискуссии в неинституциональные формы, в частности в митинг, низкая продуктивность политической деятельности и в конечном итоге – роспуск Думы [2. С. 184–188].

Парламенты следующих созывов демонстрировали более продуктивный подход к институциональной деятельности, что вылилось в качественно новые формы публичного речевого поведения. Начиная со II Думы можно наблюдать специфические, свойственные только отечественному парламенту, речевые стратегии и тактики участия в дискуссии, средства диалогичности, структурные модели выступлений, метафорические модели, способы аргументации. Последние требуют особого внимания.

Аргументация связана с важнейшей категорией классической риторики – убеждением. Изучение способов убеждения оратором аудитории позволяет сделать ряд выводов по отношению к обоим субъектам устной публичной речи. Оратор, как правило, использует те способы риторического убеждения, которые считает наиболее эффективными применительно к данной аудитории. Слушатель же, являясь продуктом определенной риторической культуры, воспринимает аргументы неодинаково: какие-то кажутся более убедительными, а какие-то – менее. Эта взаимосвязь ощутимо проявляется в политическом дискурсе.

Проблемы аргументации в политической речи традиционно привлекают внимание как отечественных ([6–10] и др.), так и зарубежных ученых [11, 12]. Риторическая аргументация в политической дискуссии – лучшая иллюстрация знаменитой мысли Аристотеля о том, что дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [13. С. 18]. Действительно, выбор и комбинация риторических средств убеждения могут быть настолько своеобразными, насколько сложна аудитория, их воспринимающая.

В парламентской дискуссии начала XX в. особое место занимали аргументы, основу которых составляла апелляция оратора к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле: обращение к национальности оппонента, к своей национальности, подчеркивание национальной принадлежности упоминаемых в выступлении агентов политического дискурса, затрагивание вопросов формирования того или иного этноса и т. п. [14. С. 122]. При этом такая апелляция была именно доводом, который должен был подтвердить какой-либо тезис. С одной стороны, распространенность этих аргументов можно объяснить наличием в Думах разных созывов, особенно в III Государственной думе, ярких ораторов-националистов. С другой стороны, «национальный аргумент» активно использовался и в I Думе, где черносотенцев еще не было, а самое главное, он использовался представителями практически всех поли-

тических сил в парламенте, от кадетов до октябристов, причем независимо от обсуждаемой темы. Однако обращает на себя внимание не только и не столько частотность данного типа аргументов, сколько их роль в парламентской дискуссии. «Национальный аргумент» появлялся при обсуждении депутатами самых важных для страны и общества вопросов, всегда вызывая бурную реакцию слушателей, что находило последовательное отражение в стенограммах заседаний Думы, и служил своеобразным катализатором развития дискуссии: стенограммы демонстрируют рост эмоциональности и спонтанности высказываний с трибуны, а также количества реплик с места.

Персуазивный потенциал «национального аргумента»

Под «национальным аргументом» мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к истории становления нации, т. е. к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Национальный аргумент был востребован в русской парламентской дискуссии и входил в ядро персуазивного инструментария агентов дискурса. При этом персуазивность мы понимаем как «стилистический вариант» реализации аргументирования, как «практическое аргументирование» в реальных коммуникативных ситуациях [15. С. 14]. Исходя из этого определения мы можем сказать, что персуазивность не исчерпывается одним типом классических аргументов: к логосу, этосу или пафосу. В нашем случае она показывает, как участники русской парламентской дискуссии убеждали друг друга и аудиторию в реальных коммуникативных ситуациях, какие аргументы (независимо от их типа) считались убедительными, а какие нет.

Сразу же оговоримся, что предметом исследования в данной статье не являлись оскорбления по национальному признаку, ярлыки и иные факты речевой агрессии, которые не связаны с каким-либо тезисом и не являются аргументом по своей сути. Такие приемы, низводящие дискуссию до обыденного спора, безусловно, отражены в стенограммах заседаний парламента Российской империи, но они не имели какого-либо персуазивного потенциала, так как выходили за рамки парламентского регламента и осуждались со стороны депутатов. Мы не рассматриваем неинституциональные формы и модели оценочных высказываний типа «сам еврей», которые направлены не на убеждение, а на выражение резко негативной оценки и по сути являются навешиванием ярлыков.

Традиционно риторическая аргументация разграничивается с аргументацией логической, хотя и основывается на ней. Применительно к совещательным речам (к которым по классификации Аристотеля относятся речи политические) актуально деление всех риторических аргументов на две группы: *argumentum ad rem* (доводы к вещи) и *argumentum ad hominem*

(доводы к человеку). Аргументы *ad rem* представляют собой доводы, касающиеся сути обсуждаемого вопроса, включают в себя естественные доказательства и аргументы к логосу и могут быть верифицированы слушателями или участниками дискуссии. Аргументы *ad hominem* включают в себя доводы к пафосу, т. е. к чувству, к эмоциональной памяти, и доводы к этосу, т. е. к моральному облику оратора, к обычаям, нравам [8. С. 32]. Аргументы к этосу и к пафосу сближает сложность их верификации, так как в основе каждого из них лежат оценочные суждения либо интерпретации. Национальный аргумент в основе своей представляет собой доводы *ad hominem*, а доводы *ad rem* находятся на периферии. Рассмотрим наиболее частотные модели-реализации национального аргумента в выступлениях думских ораторов. Мы называем эти модели в соответствии с традициями классической риторики по отношению к объекту апеллирования.

1. Довод к нации-жертве. Модель «нация X – жертва коварного Y». Это одна из самых частотных реализаций национального аргумента. Суть довода заключается в том, что оратор рассматривает нацию или народность как жертву других наций, исторического процесса, непреодолимых обстоятельств и т. п. Распространенность данного довода связана с тем, что у Думы впервые появилась возможность рассматривать национальные вопросы гласно и остро, поэтому и виновник того, что народ стал жертвой, некий «агрессор» также присутствует в аргументационной модели. Классический пример такого довода – аргумент В.М. Пуришкевича, использовавшийся им для доказательства тезиса о необходимости проведения жесткой государственной политики в отношении Финляндии: *У нас любят толковать о равноправии, но что вы скажете, господа народные представители, на то, если я вам докажу на основании документальных данных, что положение русского человека в Финляндии только несколько лучше положения еврея или цыгана? Странно, дико; народ-победитель, народ-завоеватель, народ, занимающий громадную территорию, первое место по территории среди держав мира, народ этот имеет под боком у себя насекомое, в сущности говоря, и это насекомое его душит»* [16. С. 697].

Довод к нации-жертве чаще всего не предполагал предъявления рациональных аргументов, он строился на наблюдениях, свидетельствах, личных впечатлениях, а зачастую вообще на субъективных эмоциональных оценках взаимоотношений между нациями. Отсюда использование ораторами интерпретаций исторических фактов, антитезы, гиперболы и литоты. Схожим образом Н.Е. Марков приводит национальный аргумент к тезису о невиновности русской армии в ее поражении при Мукдене: *Благодаря агитации, благодаря крамоле... в нашу армию проник мятеж, проникла смута... Наиболее вредный элемент, расстраивавший нашу доблестную русскую армию, есть несомненное изобилие еврейских сил; пока у нас будут призывать в состав русской армии 30000 евреев ежегодно, до тех пор русская армия не освободится от своих язв (Шум слева). Я говорю это не для того, чтобы опорочивать и оскорблять евреев. Нет, я говорю это потому, что это доказано опытом и тяжелым опытом испытано, что*

эта нация при всех своих талантах, при всех добродетелях, о которых я, впрочем, умолчу, она для военного дела не годится. Почему и отчего, не будем рассуждать, но несомненно, что евреи в нашей армии представляют зло и надо, чтобы это зло было так или иначе прекращено [16. С. 1655]. В речи Маркова русская армия представлена жертвой ряда врагов, как внутренних, так и внешних.

В приведенных примерах в роли народа-жертвы выступают русские, однако в дореволюционной Думе было большое количество и обратных доводов, когда народом-жертвой были поляки, грузины, армяне, а агрессором – русские и государство, насильственно русифицирующее национальные меньшинства. Рассмотренная реализация национального аргумента является типичной для политического дискурса, так как предполагает культивирование образа врага – важнейшую составляющую политической коммуникации, как современной, так и начала XX в.

2. Довод к национальной слабости. Модель – «русские добры и открыты, и этим пользуются остальные». Этот довод можно было бы рассматривать как частный случай аргумента к нации-жертве, если бы не более узкая сфера его применения. О национальной слабости в парламентской дискуссии говорили в основном крайне правые депутаты применительно к русским. Довод приводился чаще всего в качестве контраргумента к тезису о неравноправии населяющих Российскую империю наций и народностей по отношению к великорусской нации. Ораторы-националисты же стремились доказать, что русские в России не только не имеют привилегированных прав, но и упускают то, что им должно принадлежать исторически. Причину этого ряд депутатов видел в менталитете русских, которые излишне мягки, простосердечны и добры по отношению к своим соседям. Качественное отличие от предыдущего типа доводов заключается и в меньшей выраженности образа врага: акцент в высказывании делается на ментальных качествах русских, которые как бы сами собой располагают к злоумышленному их использованию. *Можем ли мы упрекнуть себя, господа, в том, что когда-либо к какой-либо народности, которая входит в состав империи, мы относились бы не так, как следует, чтобы мы не давали ей известных прав, тех прав, которыми пользуются русские граждане? Наоборот, благодаря известным особенностям славянской расы, мы не в состоянии не только душить ту или другую нацию, но сплошь и рядом, благодаря нашей мягкости и податливости, мы не в состоянии не поддаться ассимиляции с нею; факты налицо, вам достаточно указать, что русские, живущие бок о бок с якутами, сплошь и рядом объякучиваются, мы знаем – факт несомненный, – что русские, проживающие в пределах Германии, некрасовцы, скорее выучиваются говорить по-немецки, скорее ассимилируются с немцами, чем таковые с нами. Следовательно, говорить, чтобы русский человек кого-то давил, да еще сознательно, – это говорить неправду...* [Там же. С. 690]. Обратим внимание на то, что эта слабость русских в аргументации думских ораторов часто связана именно с положительно оцениваемыми качествами – миролюбием, просто-

той и добротой. Данный тип аргумента получил особое распространение в III Государственной думе, где самыми активными ораторами были депутаты-националисты.

3. Довод «к русскому сердцу». Типичный аргумент *ad hominem* в парламентской коммуникации. По традиционной классификации это аргумент к пафосу, так как апеллирует к чувствам аудитории, направлен на изменение эмоционального состояния слушателей и участников дискуссии. В думских прениях это одна из наиболее распространенных форм национального аргумента, имеющая большое количество вариантов и разновидностей, объединяет которые обращение оратора к эмоциям и чувствам (аудитории, персонажа речи, самого оратора), характерным в данной ситуации именно для русского человека. Все эти доводы укладываются в модель «русский в этой ситуации не может не испытывать чувства X, поэтому поступает так, а не иначе». Интересен тот факт, что данный довод был универсален с точки зрения политической принадлежности ораторов, но особенно был предпочитаем, конечно же, националистами. *Господа народные представители, трудно всходить на эту трибуну, чтобы говорить по такому вопросу, по вопросу, который так больно ударяет по струнам русского сердца, со сдержанностью и хладнокровием... Когда выслушаешь все то, что нам говорилось, что произносилось оттуда [с трибуны], то нужно много выдержки для того, чтобы не потерять самообладания и хладнокровия и остаться в уважении к тому собранию, в котором находишься* [16. С. 687].

4. Довод к истории. Модель «нация X исторически относилась к нации Y так, а не иначе». Данный вид довода имел две основные области применения. Во-первых, при помощи него оратор стремился объяснить характер отношений между нациями, сложившийся на данный момент. Когда же депутатов не устраивал статус-кво этих отношений, аргумент применялся как доказательство того, что необходимы кардинальные перемены во внешней политике России. *Грамота Императора Александра I, данная финляндцам в Борго, была делом его военных соображений, и, конечно, он мог давать свои милости, кому ему было угодно, но подданные шведского короля не только не имели права принимать этих милостей от Императора Российского во время войны, но не имели права даже являться к нему на подобные совещания, а тем более сеймы. И это тем более, что при шведском владычестве никакого финляндского сейма не существовало, а был общий шведский риксдаг. Короче говоря, акт, на котором Финляндия думает обосновать юридическое бытие свое как государства, совершенно несостоятелен* [17. С. 15].

Однако гораздо чаще рассматриваемый довод применялся как параллельный пример-прецедент из истории, доказывающий необходимость того или иного подхода во внешней политике. При этом довод довольно часто носил манипулятивный характер, так как оратор редко демонстрировал связь между историческим фактом и современностью, не обращал внимания аудитории на условия применения рекомендуемого подхода в реалиях

начала XX в. *Когда Наполеон вторгнулся в Россию, то он тоже издавал разные повеления и дарил льготы подданным Русского Императора, ввозил фальшивые русские деньги и т.д. И я думаю, что на этих актах никоим образом нельзя основывать каких бы то ни было юридических прав русских подданных, ибо эти права были получены от императора французов во время войны с Россией. О подобных правах не следует даже напоминать, а не то что основывать на них свои притязания* [17. С. 15–16]. В думской дискуссии была особенно распространена апелляция к древнеримской и древнегреческой истории. *В древние времена, господа, скажу вам и укажу на факты из истории Рима, Рим, покоривший этрусков, Рим, покорявший самнитян, Рим, покорявший галлов и другие народы, Рим мало-помалу давал права то одной, то другой, то третьей народности совершенно тому, как оне относились к римлянам, и каждое дарение римского народа побежденным было актом величайшей милости, и когда оно являлось преждевременным, когда являлось незаслуженным, тогда римские граждане возмущались и относились прямо обструкционной к той народности, которая неправильно получала эти дары»* [16. С. 697–698]. Апеллирование к истории – частотный аргумент, регулярно использовавшийся несколькими харизматичными думскими ораторами, отличавшимися высоким уровнем образования и риторической культуры. Этот довод, по данным стенограмм, нередко вызывал непосредственную реакцию думской аудитории – аплодисменты, шум, возгласы с места.

5. Довод к авторитету. Этот традиционный вид аргумента не был частотным, но имел высокий персуазивный потенциал. Модель аргумента – «ученый X утверждает, что нация обладает определенными признаками». Апеллирование к авторитетным ученым в русской парламентской дискуссии начала XX в. было широко распространено, однако его использование в качестве национального аргумента было сопряжено с рядом трудностей: сложность верификации научных данных при изучении национальной проблематики, идеологическая ангажированность исследователей и т. п. Однако депутаты-националисты постоянно стремились подвести научную базу под национальный вопрос, поэтому настойчиво обращались к трудам социологов, экономистов, историков, этнографов. *Те, которые забывают горькую, печальную действительность, которые в ослеплении стремятся к какому-то культу космополитизма и либерализма, стараются доказать, что мы душим финляндцев, им следовало бы прочесть как экстракт из всех тех трудов, которые издаются по вопросу о Финляндии, хотя бы брошюру Суворова «К вопросу о равноправии...» Кого? Евреев? Нет, русского народа в пределах Финляндии* [Там же. С. 698]. В то же время довод к авторитету мог строиться на обращении не к научному труду, а к фактам из биографии выдающихся ученых. *Русские не могут служить нигде в Финляндии, ибо от всех русских требуется окончание курса финляндского учебного заведения, а, конечно, русские не получают образования в финляндских учебных заведениях. Русский врач почти до сего времени не смел лечить в Финляндии. Ведь это не анекдот, что когда знаменитый профессор Боткин послал рецепт в*

финляндскую аптеку, то аптекарь отказал выдать лекарства, ибо профессор Боткин не имел-де звания финляндского врача [17. С. 22].

Выводы

Распространенность национального аргумента в русском парламенте начала XX в. свидетельствует о его высоком персуазивном потенциале. Различные варианты национального аргумента использовались в речи ораторов практически всех политических партий в Думе: чаще всего – в выступлениях радикальных националистов, несколько реже – в речах депутатов, принадлежавших к центристским и левым фракциям. Рассматриваемый тип аргумента во всех четырех дореволюционных Думах не подвергался институциональным ограничениям, и, например, рассуждения о том, что представители какой-либо нации неполноценны в том или ином отношении, не способны мирно сосуществовать с титульной нацией или стремятся к разрушению России, повышали градус эмоций в Думе, но не запрещались как таковые.

Выделяются пять наиболее частотных вариантов национального аргумента: довод к нации-жертве, к национальной слабости, «к русскому сердцу», к истории, к авторитету. Этим, однако, круг разновидностей не ограничивается. Стенограммы заседаний Государственной думы свидетельствуют о многообразии проявлений национального аргумента и, если так можно выразиться, о творческом подходе депутатов к осмыслению национального вопроса в целях доказывания различного рода тезисов, которые далеко не всегда были связаны с этническими проблемами. Многие депутаты пытались объяснить поступки и действия политиков и вообще агентов политического дискурса их национальной принадлежностью, причем делали это открыто, заявляя об этом с думской трибуны.

По отношению к объекту доказывания национальный аргумент является аргументом *ad hominem*, так как ориентирован либо на пафос (довод «к русскому сердцу»), либо на этос (к нации-жертве, к национальной слабости, к истории). При этом в основе рассмотренных моделей национального аргумента чаще всего лежит субъективная интерпретация оратором истории и отношений между нациями, а не фактология, что позволяет говорить о высоком манипулятивном потенциале выступлений, содержащих подобные доводы. По большому счету, лишь довод к авторитету выбивается из общего интерпретационного поля, так как относится по классификации Аристотеля к так называемым «естественным» аргументам. Но и в этом случае сам выбор авторитетного мнения, подбор цитат, фактов, введение в современные оратору контексты также вносят в довод субъективное отношение говорящего. В этом плане научный интерес может представлять сопоставление структуры и функционирования национального аргумента дореволюционного парламента с современной Государственной думой, что позволит представить динамику развития персуазивности данного типа доводов в отечественной парламентском дискурсе в целом.

Литература

1. Грановская Л.М. Риторика / под ред. В.А. Плотниковой. М. : Азбуковник, 2004. 218 с.
2. Громыко С.А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. Вологда : ВГПУ, 2010. 215 с.
3. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М. : Флинта : Наука, 2006. 296 с.
4. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М. : Просвещение, 1996. 416 с.
5. Чистякова И.Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 181 с.
6. Волков А.А. Основы риторики. М. : Академический проект, 2003. 304 с.
7. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 151–240.
8. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М. : Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
9. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 328 с.
11. Dijk T.A.v. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague etc.: Mouton, 1981. 331 с.
12. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. 576 с.
13. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 15–166.
14. Матвеев А.В. Идеологема «русский» в думской риторике В.М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69), ч. 2. С. 118–122.
15. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Вып. 2 (13). С. 7–18.
16. Государственная дума Российской империи: Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1908.
17. Речи членов Государственной думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. СПб. : Россия, 1908.

‘ARGUMENT FOR A NATIONALITY’ IN THE RUSSIAN PARLIAMENTARY RHETORIC (ON THE MATERIAL OF THE DISCUSSIONS IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 23–33. DOI: 10.17223/19986645/56/2

Sergey A. Gromyko, Vologda State University (Vologda, Russian Federation).
E-mail: ling2007@yandex.ru

Keywords: rhetoric, parliamentary speech, nationalism, argumentation, pragmatics, ad hominem arguments, persuasiveness.

The article is devoted to revealing the persuasive potential of the national argument in the State Duma of the Russian Empire. The aim of the article is identification of the specifics of the argument system in the Russian parliamentary debate, which the author called ‘argument for a nationality’, and analysis of options of this argument type.

The basis of the research methodology is discursive and logical-rhetorical analysis of the statements, which were reflected in the transcripts of the Russian pre-revolutionary Duma. At the first stage, a thematic selection of discursive units which contained references to nations, nationalities and ethnic groups was made. Then their logical-rhetorical status (thesis, argu-

ment, invective) was assessed and units which did not possess the property of an argument were excluded.

At the second stage, the selected units were classified and typologized according to the semantic models of arguments. At the final stage, the analysis of the functioning of each model of the national argument was carried out, taking into account the specifics of the addressee of the message, the topic of the speech and the audience's reaction to the application of the argument; the prevalence of the argument models in the Duma discussion was estimated. The source of the empirical material was the published verbatim records of the debate of the State Duma of the first, second, third and fourth convocations (1906–1917). A total of 83 texts, which represent the detailed speeches of deputies and members of the government from the rostrum, as well as the replicas recorded in the transcripts from the hall, were selected and analyzed. According to the results of the study, the author came to the following conclusions.

The author understands the term 'argument for a nationality' as a persuasive complex of dissimilar arguments connected with the method of persuasion by appealing to such mental categories as national consciousness, national spirit, national character, national identity, and the historical formation of the nation, that is, various kinds of phenomena related to ethnic identification in the broad sense of this term. The argument for a nationality was widely used in the Russian parliamentary debate and was part of the discourse representatives' core tools of persuasion. The most frequent models of the realization of the argument for a nationality in the speeches of the Duma speakers are as follows.

1. The argument for a victim nation.
2. The argument for national weakness.
3. The argument for the 'Russian heart'.
4. The argument for the history.
5. The argument for authority.

The shorthand transcripts of the meetings of the State Duma reveal the diversity of the manifestations of the argument for a nationality and the creative approach of the deputies to the comprehension of the 'national question' in order to prove various kinds of theses, which were not always connected with ethnic problems.

References

1. Granovskaya, L.M. (2004) *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow: Azbukovnik.
2. Gromyko, S.A. (2010) *Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda* [Techniques and means of speech communication in the First State Duma in 1906]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
3. Annushkin, V.I. (2006) *Ritorika. Vvodnyy kurs* [Rhetoric. An introductory course]. Moscow: Flinta: Nauka.
4. Mikhal'skaya, A.K. (1996) *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo* [Basics of rhetoric: Thought and word]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Chistyakova, I.Yu. (2006) *Russkaya politicheskaya oratorika pervoy poloviny XX veka: etos ritora* [Russian political oratorics of the first half of the twentieth century: ethos of the orator]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
6. Volkov, A.A. (2003) *Osnovy ritoriki* [Basics of rhetoric]. Moscow: Akademicheskii proekt.
7. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2003) *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Khazagerov, G.G. (2002) *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow: Nikko-lo-Media.
9. Chudinov, A.P. (2006) *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.

10. Sheygal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
11. Dijk, T.A. v. (1981) *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague etc.: Mouton.
12. Perelman, C. & Olbrechts-Tyteca, L. (1969) *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
13. Aristotle. (1978) *Ritorika* [Rhetoric]. In: Takho-Godi, A.A. (ed.) *Antichnye ritoriki* [Ancient orators]. Moscow: Moscow University.
14. Matveev, A.V. (2016) Ideologeme “Russian” in V. M. Purishkevich’s Duma rhetoric (content analysis experience). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. 7 (69):2. pp. 118–122. (In Russian).
15. Golodnov, A.V. (2008) Ritoricheskiy metadiskurs: k opredeleniyu ponyatiya [Rhetorical metadiscourse: On the definition of the concept]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2 (13). pp. 7–18.
16. State Duma of the Russian Empire. (1908) *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya I* [The State Duma of the Russian Empire: Stenographic reports. The third convocation. Session I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
17. Markov, N.E. & Purishkevich, V.M. (1908) *Rechi chlenov Gosudarstvennoy dumy Markova 2-go i Purishkevicha po zaprosu o Finlyandii 12 i 13 maya 1908 goda* [Speeches by members of the State Duma Markov the 2nd and Purishkevich at the request on Finland on May 12 and 13, 1908]. St. Petersburg: Russkiy narodnyy soyuz im. Mikhaila arkhangela.